

Алиев Михаил Романович
аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
mikhailaliev44@gmail.com

Асланов Леонид Александрович
докт. хим. наук, профессор
химического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 3
aslanov.38@mail.ru

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Aliev Mikhail R.
Postgraduate Student,
Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
mikhailaliev44@gmail.com

Aslanov Leonid A.
Doctor of Chemical Sciences, Professor,
Faculty of Chemistry,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/3
aslanov.38@mail.ru

CIRCUMSTANCES OF FORMATION OF THE BELORUSSIAN ETHNICITY AND THEIR POLITICAL OUTCOMES

Аннотация. Россия, Украина и Белоруссия связаны друг с другом не только историческим, но и кровным родством. В отличие от России ни Украина, ни Белоруссия не имели продолжительного опыта собственной государственности. Разные исторические условия послужили основой для формирования отличных менталитетов. Цель статьи — выявить условия формирования белорусского менталитета.

Методологическая основа исследования — синергетический и историко-генетический подходы; использованы метод сравнительного анализа и общенаучные методы анализа и синтеза.

Белая и Черная Русь не пострадали от татаро-монгольского ига, однако подверглись крестовым походам, что в условиях феодальной раздробленности послужило лейтмотивом для объединения в единое государство с литовцами — Великое княжество Литовское. Процесс формирования белорусского этноса происходил в рамках децентрализованной федерации западнорусских и литовских княжеств, впитавшей в себя атрибуты Киевской Руси. Белая и Черная Русь являлись ядром Великого княжества Литовского, что привнесло в государство политические и культурные атрибуты Киевской Руси. Великое княжество пошло по пути развития децентрализованного феодального государства, в котором русские области имели широкую политическую автономию, а верховная власть государя была ограничена землевладельцами-шляхтичами.

Белорусский этнос формировался в составе Великого княжества Литовского по традициям Киевской Руси и сложился до Люблинской унии. Центральную роль в формировании белорусского менталитета сыграл феодальный характер государства. Белая и Черная Русь были наивысшим образом заинтересованы в сохранении собственной государственной идентичности в рамках Великого княжества, для чего вели ожесточенные войны, в том числе с Московским княжеством.

***Ключевые слова:** Белая Русь, Черная Русь, Великое княжество Литовское, русско-литовское государство, шляхетство, сарматизм.*

***Abstract.** Russia, Ukraine and Belarussia have strong historical and blood ties. Unlike Russia, Ukraine and Belarussia didn't have much of experience in maintaining their own sovereign statehood. The differences in historical circumstances caused emergence of distinct mentalities of the nations. The goal of the article is to investigate the circumstances that formed Belorussian mentality.*

The methodological framework consists of synergetic and historical-genetic approach as well as comparative analysis along with interdisciplinary methods of analysis and synthesis.

White and Black Ruthenia weren't obliterated by the Golden Horde. While being weakened by disintegration of the Kievan Rus' they faced the Crusades which made them ally with the Lithuanians and form the Russo-Lithuanian state of the Grand Duchy of Lithuania. The Belorussian mentality was being formed within the decentralized federation of the Westruthenian and Lithuanian duchies, greatly influenced by heritage of the Kievan Rus'. White and Black Ruthenia were a core of the Grand Duchy of Lithuania and brought cultural and political features of the Kievan Rus' into the state. The Grand Duchy of Lithuania took the path of decentralized feudal state building where the Russian duchies had broad political autonomy and grand duke's authority was limited by a social class of landowners called «Szlachta».

The Belorussian ethnicity was being formed within the Russo-Lithuanian state influenced by the heritage of the Kievan Rus' and emerged before the Union of Lublin. Feudal character of the Grand Duchy played the main role in the formation of the Belorussian mentality. Willing to defend their own unique political identity, White and Black Ruthenia fought against any state that tried to conquer them, including Muscovy.

***Key words:** White Ruthenia, Black Ruthenia, the Grand Duchy of Lithuania, the Russo-Lithuanian state, szlachta, sarmatism.*

Введение

Для большинства членов мирового сообщества развал Советского Союза ознаменовал «конец истории», но для народов СССР это стало началом поиска собственной, отдельной от общесоюзной национальной идентичности. Для славянских народов этот вопрос оказался наиболее болезненным, так как Россия, Украина и Белоруссия связаны друг с другом общим происхождением от Киевской Руси. В отличие от России ни Украина, ни Белоруссия не имели продолжительного опыта собственной государственности. Большую часть истории они были либо составной частью различных государств, либо на короткое время превращались в мятежные государственные образования. Разные исторические условия существования послужили основой для формирования отличного друг от друга менталитета этих народов. Цель статьи — выявить условия, способствовавшие формированию особого белорусского менталитета.

Для ясности мы сделаем предварительное замечание об используемых понятиях. Здесь и далее этнос — группа людей, говорящих на одном языке и имеющих общие традиции. Люди самоидентифицируют себя членами какого-либо этноса, что отчетливо проявляется у детей в смешанных браках. Население Белоруссии моноэтнично, и понятие «этнос» для белорусских людей вполне органично. Понятие «народ» определяется как объединение этносов, образующих государство. Белоруссия — моноэтничное государство, поэтому термин «народ» по отношению к населению Белоруссии избыточен. Мы не используем понятие «нация», как не имеющие отношения к теме нашей статьи.

Большие группы людей образуют цивилизации, некоторые из которых состоят из множества этносов, говорящих на разных языках (пусть и одной языковой группы) и образующих разные государства, например североморская цивилизация [3]. В России цивилизационной тематике уделяется пристальное внимание: ведутся исследования в Институте философии РАН [21]; подведены итоги междисциплинарного проекта «Цивилизации в глобализирующемся мире» ИМЭМО РАН [18]; регулярно обсуждаются проблемы цивилизационной направленности на конференциях экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [11, 12]. Директор Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН О.В. Воробьева по итогам дискуссии «История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив», прошедшей в институте, отметила весьма критические высказывания участников о том, что «цивилизационные исследования зашли в тупик, что цивилизационный подход не дает никакого приращения знания» [9, с. 5]. Мы будем рассматривать формирование белорусского менталитета, придавая основополагающее значение цивилизационному подходу.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступают синергетический и историко-генетический подходы, которые позволяют выявить форми-

рование белорусского менталитета в условиях приспособления к окружающей среде XII—XVI вв. [19, 24]. В работе также используются метод сравнительного анализа и общенаучные методы анализа и синтеза. Совокупно они обобщены в цивилизационный анализ — инструмент для исследования общественных процессов в рамках локально-исторической концепции, которая рассматривает возникновение и функционирование локальных цивилизаций под воздействием окружающей среды. О полезности цивилизационного анализа писали многие ученые (например, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, А.С. Филатов, М.В. Масловский, Д.Г. Когатько и В.Х. Тхакахова, Р.Г. Браславский, Д.И. Заров, В.Э. Багдасарян, Н.В. Мотрошилова, А.В. Логинов, И.Г. Яковенко, Б.С. Ерасов). Институт философии РАН обратил внимание на то, что современный цивилизационный анализ разворачивается и применяется на Востоке, причем особенно в тех странах, которые, подобно Китаю, опережают многие страны мира не только в экономическом, но и в социальном развитии.

Процесс формирования локальных цивилизаций занимал века, поэтому изучение истории каждого этноса совершенно необходимо для понимания сути цивилизаций и их генезиса, но, по мнению историков, исторические факты ни о чем не говорят, их нужно интерпретировать с позиций одной из теоретических концепций. А.Я. Гуревич, рассматривая роль теории, которой руководствуется историк, сделал очень категоричное заключение: «система понятий самого исследователя играет несравненно большую роль в историческом исследовании, нежели материал исследуемых им источников» [10, с. 66]. Американские историки Дж.Ф. Шеферд и Г.М. Уолтон отмечали: «Важно ли событие, и какое из них должно быть принято во внимание, а каким надо пренебречь, можно решить только на основе выбранной теоретической модели» [33, р. 2].

Обязательность выбора концепции является следствием особенно-сти человеческой психики. Каждый человек начинает осмысление любой информации с операции субъективной интерпретации и в процессе интерпретирования отбрасывает для него неприемлемое, произвольно абстрагируется от любых, даже очень существенных, обстоятельств и фактов, выстраивает иерархию предпочтительных для него фактов, создавая свое видение смыслового пространства [22].

Нами сделан выбор между всемирно-исторической концепцией общественного развития и локально-исторической концепцией в пользу последней. Первая из них объявляет все человечество идущим по одному пути, но одни народы вырвались вперед в своем развитии, а другие отстают, причем отставание каждого народа индивидуально. Утверждается, что отстающие народы пройдут те же этапы развития, что и «передовики», но за это время «передовики» уйдут дальше и никогда не уступят своего лидирующего положения. В частности, сторонники этой концепции утверждают, что Россия отстала в своем развитии от стран коллективного Запада на сотни лет. Эта концепция распространена в США, Западной Европе и некоторых других странах и используется для обоснования

превосходства Запада над Россией и другими странами, а также для «доказательства» исключительности США [30, 34].

Локально-историческая концепция утверждает, что все этносы приспособивались к окружающим их условиям существования, в результате чего сформировались локальные цивилизации. Эта концепция приоритетна в странах Востока, в частности в КНР.

В силу особенностей человеческой психики выбор концепции не может основываться на исторических фактах. Любое обращение к историческим фактам сразу включает операцию субъективной интерпретации, а следовательно, в соответствии с личными предпочтениями человека произвольно происходит выбор концепции. Делать выбор в пользу локально-исторической концепции необходимо из-за совпадения аксиоматик локально-исторической концепции и синергетики [7].

По существу, синергетика и локально-историческая концепция говорят об одном и том же. В мировой науке параллельно и стихийно шли два процесса: в гуманитарных науках была сформулирована локально-историческая концепция, а в естественных науках сформировалась теория самоорганизации диссипативных систем, получившая разные названия в различных странах (в России эта теория известна под названием «синергетика»). Синергетика полностью применима к таким диссипативным системам, как человек или этнос. Она значительно детальнее разработана теоретически и экспериментально по сравнению с локально-исторической концепцией, а потому использование ее принципов полезно для исследования локальных цивилизаций. Синергетика делает выбор локально-исторической концепции однозначным, устраняя всемирно-историческую концепцию из дальнейшего рассмотрения. Тем самым подтверждаются слова А. Тойнби, высказанные им как личное убеждение, но не как научно доказанный факт: «Тезис о “единстве цивилизаций” является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды. Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора» [25, с. 81].

Результаты исследования

В основу традиционного цивилизационного подхода аксиоматически положены два утверждения об основах цивилизации: а) основой цивилизации является религия; б) основой цивилизации является культура. Причиной неудовлетворенности традиционным цивилизационным подходом, о чем упоминалось выше, является неточность аксиоматики.

Историки и социологи широко пользуются таким понятием, как менталитет. Основные достижения в изучении менталитетов лежат в сфере

истории [23]. Менталитет не имеет точного и однозначного определения, он лишь подробно описан (одна из сводок таких описаний приведена в [4]). Сопоставляя эти описания с описанием инстинкта самосохранения, можно убедиться в том, что этнический инстинкт самосохранения и есть менталитет. Менталитет, будучи инстинктом, бессознателен. Инстинкт самосохранения наследует поведение людей. Наследуемое менталитетом поведение людей часто называется ментальной традицией. Понятие «ментальная традиция» активно используют Н.М. Ракитянский [20], М.П. Арутюнян [2], А.А. Королёв [13], И.В. Абдурахманова [1] и др.

Цивилизация есть опыт самосохранения этноса, накопленный за века. Основу цивилизации составляет менталитет, наследуемый этносом из поколения в поколение. Но менталитет — это главная часть цивилизации, аттрактор этноса; другая часть цивилизации представлена культурой, которая выполняет функцию области притяжения аттрактора. Менталитет генетически, по наследству передается из поколения в поколение, а культура познается и творится каждым поколением. Религия, действуя словом, является частью культуры, одной из форм общественного сознания. По этим причинам ни культура, ни религия не принимаются нами за основу цивилизационного подхода.

С использованием перечисленных основ теории исследованы русская, североморская, португальская, бразильская цивилизации, цивилизация народов Тропической и Западной Африки, кратко рассмотрена китайская цивилизация, а также цивилизационные процессы в США [3—6]. С учетом полученных ранее результатов в этой статье рассматривается процесс формирования менталитета белорусского этноса.

Обсуждение

Княжества Белой и Черной Руси не попали в зависимость от Золотой Орды. В отличие от русского военно-командного менталитета [4], сформированного в условиях подчиненности Золотой Орде, а после ее распада в результате череды войн с разнородным агрессивным окружением по всему периметру Московского княжества/царства, формирование белорусского этноса происходило в рамках децентрализованной федерации западнорусских и литовских княжеств Великого княжества Литовского (ВКЛ). Подвергнувшись нападению со стороны рыцарских орденов, эти западнорусские земли сплотились вокруг новообразованного литовского княжества, отличавшегося своей военной выучкой, но отстающего в плане административного управления и культурного развития. Отмечается, что на землях Черной Руси литовские и славянские племена еще с VI—VII вв. начали ассимилироваться друг с другом [28]. Это обстоятельство отчасти объясняет мирный характер присоединения этих княжеств к ВКЛ [26]. Наличие общей угрозы, а также ряда других обстоятельств (для литовцев — людской, экономической и культурный потенциал русских княжеств [26, 27], для русских княжеств — сильное

плечо способное защитить от внешних угроз и общерусской междоусобицы) привело к образованию Великого княжества Литовского, начавшего объединение русских земель с запада. С присоединением земель Белой и Черной Руси в новое государство было привнесено христианство, письменность, политические институты и административная практика, а также культурные атрибуты Киевской Руси. Великое княжество пошло по пути развития децентрализованного феодального государства, в котором русские области имели широкую политическую автономию, а власть государя была ограничена сословием землевладельцев.

Черная Русь обогатила литовских князей не только умелыми воинами, но и доставшейся от Киевской эпохи практикой административного управления и письменностью, которой у литовцев той поры не было [16, 28]. Помимо традиций административного управления у русских княжеств заимствовались практика налогообложения и судопроизводства, политические институты и социальные классы. Литва, завершив в недавнем прошлом процесс разложения родоплеменного строя, не имела опыта государственного администрирования. Литовские принципы управления не были сводом систематизированных правил и не были зафиксированы в общем правовом документе (письменные документы отсутствовали на тот момент в принципе) [16]. Вплоть до второй половины XVI в. государственное управление осуществлялось на основе русских прав и законов. С этой точки зрения Великое княжество Литовское было преемником Киевской Руси.

К концу XIV в. ВКЛ обросло вторым поясом русских земель, в число которых вошли Волынь, Подолье, Киев, чернигово-северские земли, а также часть территорий Смоленского княжества [16] в качестве буферной зоны между ВКЛ и Золотой Ордой. Русско-литовское государство вело борьбу с Владимиро-Суздальским княжеством за влияние над Ржевом, Смоленском и Брянском.

В отличие от Московского княжества ВКЛ являлось ограниченной монархией с высокой долей политической автономии собственных земель. Местная власть русских княжеств оставалась в руках русских князей и бояр. Они входили в состав законодательно-совещательного органа великого князя. Власть монарха была ограничена крупными землевладельцами и князьями и имела преимущественно военно-политический характер [16].

Одним из крупнейших камней преткновения между ВКЛ и Московским княжеством были Верховские княжества. Верховские князья были отчичами своих уделов, а не получили их от князя за службу. С великими князьями ВКЛ их связывали договорные отношения, из которых следовало, что верховский князь брал обязательство «служить верно», вступать в вооруженные конфликты только с разрешения, никому постороннему не помогать, служить наследнику литовского князя. Великий князь Литовский был обязан служилого князя держать «в чести», «боронити его от всякого», в его вотчину не вступать, в случае смерти князя уступить те же отношения с его детьми. В случае несоблюдения литовским

князем своих обязанностей служилый князь был волен расторгнуть договор. Так и случилось с кланом Новосильских князей, земли которых великий князь Александр не смог защитить от Москвы. Тогда Семён Фёдорович сложил с себя крестное целование и перешел с отчиною на службу Москве [16, с. 85]. В 1470-х гг. начался отток верховских князей с их землями к Москве. Великий князь Литовский Александр (годы правления 1492—1506) отказался заключить «докончания по старине» и не дал ни защиты от врагов, ни возмещения утраченных вотчин, и отток верховских князей усилился. Отношения этих князей в ВКЛ были де-факто межгосударственными [14].

Распад Золотой Орды привел к образованию ряда ханств, среди которых самое западное — Крымское, оказывало сильное влияние на ВКЛ, Польшу и Московию. Крымское ханство стало громить южные окраины Литвы и Польши с конца XV в. Это влияние нужно рассматривать как часть окружающей ВКЛ среды. Позднее король Речи Посполитой Сигизмунд Август, чтобы сломить литовскую оппозицию, отделил от Литвы ее украинские земли (четыре воеводства из двенадцати — Киевское, Брацлавское, Волынь и Подлясье) и передал их под управление польской короны. Отношения с Крымом отошли от ВКЛ Польше [16, 17].

Защита от внешних врагов требовала дальнейшего объединения с соседями, тем более что федеративный характер русско-литовского государства, не ломавшего внутриполитической самостоятельности волостей, хоть и был эффективен в вопросе коллективной защиты от внешних угроз, но оказался не способен обеспечить устойчивость к внутригосударственным кризисам. ВКЛ в XIV в. было собранием земель, хотя и подчиненных великому князю Литовскому, но обособленных друг от друга своими порядками. В русских княжествах сохранялись собственный язык, вера, обычаи и общественное устройство.

Тяжелые внутривитовские события конца XIV в. (междоусобная борьба за власть в ВКЛ) подтолкнули великого князя Ягайло к поиску внешней опоры, которую он нашел в лице Польши, трон которой после смерти короля Людовика заняла его дочь Ядвига [29, 32]. 14 августа 1385 г. после долгих совещаний со своим окружением Ягайло стал польским королем и заключил унию с Польшей. С этого момента начался постепенный процесс полонизации русско-литовского государства, положивший конец политической независимости ВКЛ [31]. Городельская уния 1413 г. расширила и углубила процесс полонизации и слияния государственных систем ВКЛ и Польши, при этом ускорилось окатоличивание населения ВКЛ (всему знатному литовскому боярству и князьям предписывалось принять католическую веру, в случае брака между представителями католицизма и православия последние также были обязаны перейти в католики [35]; государственные должности могли занимать только католики). Окатоличенной литовской аристократии предоставлялось привилегированное положение католической шляхты. Им был дарован личный и имущественный иммунитет — «полное право и пан-

ство». Оно гарантировало наследственное и неприкосновенное владение фамильными землями и их населением с возможностью свободного ими распоряжения (дарить собственным вассалам). Шляхта освобождалась от ряда общегосударственных повинностей (работа на поле великого князя и т.д.), податей в казну. В качестве основной обязанности, гарантировавшей право шляхтича владеть землей, выступало несение воинской службы. Шляхта заполнила политический слой ВКЛ, оттеснив русско-литовских князей из исполнительной и законодательной деятельности.

После Люблинской унии Польша оказывала особенно сильное влияние на ВКЛ. Шляхта была главным сословием польского общества (6—10% от населения страны) с особым правовым статусом и привилегиями. На протяжении XVI в. ей удалось отобрать у горожан право покупать землю, занимать церковные и светские должности, участвовать в сеймовом представительстве и т.п. Однако уровень жизни шляхты был ниже уровня жизни мещан. В 1505 г. была принята Радомская конституция с принципом «*nihil novi*», гарантировавшим шляхте привилегии в управлении государством. Король был лишен права издавать законы без согласия обеих палат Сейма [15]. Исключительное положение шляхты в Речи Посполитой определялось сословной идеологией польского дворянства — сарматизмом. Это своеобразное явление требует пояснения из-за своей необычности.

Сарматизм — совокупность присущих польскому шляхетству особенностей мировоззрения, образа жизни, поведенческих стереотипов и т.д. Сарматизм позже был принят другими слоями общества. С середины XVI в. потомками сарматов стали считать только рыцарское сословие — шляхту, а горожан и крестьян — потомками автохтонного покоренного населения. Шляхетство служило только Господу, а потому их служба была сакральной. Изменение государственного строя Речи Посполитой было преступлением перед хранительницей истинного христианства — католической церковью, противостоявшей заблуждениям протестантизма и мусульманской ереси, не говоря о православии. Мессианство — это миссия шляхтича в жизни на земле. Обязанность шляхтича — война с неверными. Соблюдение польских традиций — это долг шляхтича перед предками и потомками [15]. Фундаментом идеологии сарматизма является мифологизированная история. В основе шляхетской утопии о сарматизме лежит античное прошлое (Древний Рим). Идеальное государство — республика, в которой народом признается только шляхетство, произошедшее от сарматов. Идеал свободы — вольности шляхетства, а сословная привилегия рыцаря — защита Отечества от врагов, в том числе внутренних (не католиков). Истоки сарматизма — политические амбиции шляхты. Сармат обращен в прошлое. Его цель — вернуть идеалы «золотого античного времени». Главные условия принадлежности к шляхте — знатность по рождению и католическая вера. Переход к замкнутости и враждебности к народам, жившим вне Польши, произошел в первой трети XVII в. [15]. Сарматизм стал польским национальным самосознанием

в XIX в. и со временем видоизменялся, мифологизировался. Идея национальной исключительности и превосходства над непольским населением стала самодовлеющей. В Речи Посполитой господствовала «шляхетская демократия», согласно которой шляхетская свобода — это свобода от власти одного человека, короля [15].

Сарматизм не затронул сколько-нибудь существенно население Великого княжества Литовского, возможно, из-за его автономного статуса в Речи Посполитой. До Люблинской унии 1569 г. ВКЛ решительно защищало свои права и традиции от польского влияния, разрывая, если было нужно, отношения с Польшей. После Люблинской унии и до окончательного раздела Речи Посполитой ВКЛ сохранило политическую автономию. Полякам запрещалось покупать землю в ВКЛ, а польскому войску запрещалось передвижение по землям ВКЛ. Все это тормозило процесс полонизации населения ВКЛ, в отличие от русского населения Украины, попавшего под власть Польши. Шляхта ВКЛ, отстаивая свои интересы и противодействуя польскому влиянию, совмещала принципы пришедшего из Польши сарматизма с собственными концепциями независимости от сарматского происхождения. Несмотря на правовые акты о равенстве всей шляхты, фактического равенства не было. И только высшее сословие ВКЛ стремилось к единой сословно-политической общности «шляхетского народа» [8].

По мнению специалистов, белорусский этнос сложился в XIII—XVI вв. [8]. В отличие от Московского царства, где все общество было устроено по армейскому образцу [4], белорусский этнос обрел свою ментальность в условиях самосохранения в составе феодального государства, где функции податного сословия, прежде всего крестьянства, отчетливо отделены от функций военно-служилого сословия.

Заключение

Таким образом, центральные роли в формировании белорусского менталитета сыграли феодальный характер государства, при котором верховная власть государя ограничена землевладельцами-шляхтичами, обладающими неприкосновенностью владений при условии военной службы, и шляхетская идеология сарматизма, предоставлявшая обширные сословные права и привилегии.

Белорусы обрели ментальные традиции, присущие феодальной цивилизации, входя в государственные объединения ВКЛ, Польши, но глубокой полонизации, включавшей сарматизм поляков, белорусы не подверглись, благодаря определенной автономии ВКЛ в составе Речи Посполитой. Полонизировалась властная верхушка общества и отчасти немногочисленное городское население, а крестьянские низы жили своей традиционной жизнью, пользуясь своим языком и народными традициями. Мы относим белорусов к цивилизации феодального типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдурахманова И.В.* Массовое правосознание в России в начале XX в.: Факторы формирования и механизм трансформации (1900—1917 гг.). Ростов н/Д: РИНХ, 2007.
2. *Арутюнян М.П.* Феномен мировоззрения. Хабаровск: ДВГГУ, 2006.
3. *Асланов Л.А.* Культура и власть. М.: ТЕИС, 2001.
4. *Асланов Л.А.* Менталитет и власть. Русская цивилизация. Кн. 1. М.: ТЕИС, 2009.
5. *Асланов Л.А.* Менталитет и власть. США, Бразилия. М.: ТЕИС, 2012.
6. *Асланов Л.А.* Менталитет и власть. М.: ТЕИС, 2013.
7. *Асланов Л.А.* Вклад синергетики в исторические исследования на современном этапе // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2—3. С. 9—12.
8. Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик и др. М.: Наука, 1998.
9. *Воробьева О.В.* История и теория цивилизаций: В поисках новых перспектив // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 2014. С. 5—26.
10. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.
11. *Зотова Е.С.* Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: Суть и ход перемен (обзор дискуссии) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 257—268.
12. *Зотова Е.С.* Цивилизация России: Традиции и новины // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 282—291.
13. *Королёв А.А.* Историческая психология: Пропедевтические очерки, эссе и суждения: Избр. труды. Т. 1. Орёл: Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2020.
14. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.: 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2019.
15. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002.
16. *Любавский М.К.* Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно: 2-е изд. М.: Московская художественная печатня, 1915.
17. *Орешкова С.Ф.* Крымское ханство в XV—XVI вв. (К вопросу о роли Османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы): В 2 т. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021.
18. Предварительные итоги междисциплинарного проекта: По материалам научной конференции / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
19. *Пригожин И., Стангерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека и природы. М.: Проспект, 2020.
20. *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Издательство Московского университета, 2020.
21. Российский проект цивилизационного развития. URL: <https://iphras.ru/page25149611.htm> (дата обращения: 20.05.2022).
22. *Славская А.Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс, 2002.
23. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2009.

24. Стратегии динамического развития России: Единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции. Т. III, ч. 2: Международный симпозиум «Синергетика в решении проблем человечества XXI века: Диалог школ» / Под ред. В.Л. Романова, О.Н. Астафьевой. М.: Проспект, 2004.
25. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
26. Bekus N. Struggle over identity: The official and the alternative Belarusian-ness. Budapest: Central European University Press, 2010.
27. Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. The history of Lithuania. 2nd ed., rev. Vilnius: Eugrimas, 2016.
28. Frost R. The Oxford History of Poland-Lithuania. Vol. I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385—1569. Oxford: Oxford University Press, 2015.
29. Gerner K. The Swedish and the Polish-Lithuanian Empires and the formation of the Baltic Region // The Baltic Sea Region. Uppsala: Baltic University Press, 2002. С. 61—118.
30. Landes D.S. Why Europe and the West? Why Not China? // Journal of economic perspectives. 2006. Vol. 20, N 2. P. 3—22.
31. Lewis S. The Jagiellonians in Belarus: A Gradual Release of Memory // Remembering the Jagiellonians. L.: Routledge, 2018. P. 162—182.
32. Ochmański J. The National Idea in Lithuania from the 16th to the First Half of the 19th Century: The Problem of Cultural-Linguistic Differentiation // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10, N 3/4. P. 301—315.
33. Shepherd J.F., Walton G.M. Shipping, maritime trade, and the economic development of Colonial North America. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
34. Vovelle M. Ideologies and Mentalities. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
35. Zvinkliene A. The Creation of a National State: The case of inter-ethnic marriage in Lithuania // Anthropological Journal on European Cultures // Mare Balticum: Societies in Transition (I). 1996. Vol. 5, N 2. P. 111—134.

REFERENCES

1. Abdurakhmanova I.V. 2007. *Mass legal consciousness in Russia at the beginning of the 20th century: factors of formation and transformation mechanism (1900—1917)*. Rostov-on-Don, RINH. (In Russ.)
2. Arutyunyan M.P. 2006. *Phenomenon of worldview*. Khabarovsk, DVGGU. (In Russ.)
3. Aslanov L.A. 2001. *Culture and power*. Moscow, TEIS. (In Russ.)
4. Aslanov L.A. 2009. *Mentality and power. Russian civilization*, book 1. Moscow, TEIS. (In Russ.)
5. Aslanov L.A. 2012. *Mentality and power. USA, Brazil*. Moscow, TEIS. (In Russ.)
6. Aslanov L.A. 2013. *Mentality and power*. Moscow, TEIS. (In Russ.)
7. Aslanov L.A. 2014. “Contribution of synergetics to historical research at the present stage”. *Historical Informatics. Information technologies and mathematical methods in historical research and education*, no. 2—3, pp. 9—12. (In Russ.)
8. Bondarchik V.K. et al. (eds.). 1998. *Belarusians*. Moscow, Science. (In Russ.)
9. Vorobyeva O.V. 2014. “History and theory of civilizations: in search of new perspectives”. In *Civilizations. Issue 9: Civilization as an idea and research practice*. Moscow, Science, pp. 5—26. (In Russ.)

10. Gurevich A.Ya. 1993. *Historical synthesis and the school of "Annals"*. Moscow, Indrik. (In Russ.)
11. Zotova E.S. 2021. "Russia as a civilization and civilization as Russia: the essence and course of changes (review of the discussion)". *Philosophy of Economy*, no. 1, pp. 257—268. (In Russ.)
12. Zotova E.S. 2022. "The civilization of Russia: traditions and novelties". *Philosophy of Economy*, no. 1, pp. 282—291. (In Russ.)
13. Korolev A.A. 2020. *Historical psychology: propaedeutic essays, essays and judgments. Selected works*, vol. 1. Orel, Central Russian Institute of Management — Branch of RANEPa. (In Russ.)
14. Krom M.M. 2019. *Between Russia and Lithuania: border lands in the system of Russian-Lithuanian relations of the end of the XV — first third of the XVI century*. Moscow, Quadriga. (In Russ.)
15. Leskinen M.V. 2002. *Myths and images of sarmatism. The Origins of the National ideology of the Polish-Lithuanian Commonwealth*. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
16. Lyubavsky M.K. 1915. *An essay on the history of the Lithuanian-Russian state up to and including the Union of Lublin*. Moscow, Moscow Art Printing House. (In Russ.)
17. Oreshkova S.F. 2021. *The Crimean Khanate in the XV—XVI centuries (On the question of the role of the Ottoman vassal in the political formation of post-Horde Eastern Europe)*, in 2 vol. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
18. Khoros V.G. (ed.). 2009. *Preliminary results of the interdisciplinary project. Based on the materials of the scientific conference*. Moscow, IMEMO RAS. (In Russ.)
19. Prigozhin I., Stangers I. 2020. *Order from chaos. A new dialogue between man and nature*. Moscow, Prospect. (In Russ.)
20. Rakitjanskiy N.M. 2020. *Mental studies of the global political worlds*. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
21. Russian Civilizational Development Project. Available at: <https://iphras.ru/page25149611.htm> (accessed: 20.05.2022). (In Russ.)
22. Slavskaya A.N. 2002. *Personality as a subject of interpretation*. Dubna, Phoenix. (In Russ.)
23. Stefanenko T.G. 2009. *Ethnopsychology*. Moscow, Aspect Press. (In Russ.)
24. Romanov B.L., Astafeva O.N. (eds.). 2004. *Strategies of dynamic development of Russia: unity of self-organization and management*. Materials of the First International Scientific and Practical Conference, vol. III, part 2: International Symposium "Synergetics in solving the problems of humanity of the XXI century: a dialogue of schools". Moscow, Prospect. (In Russ.)
25. Toynbee A.J. 1991. *Comprehension of history*. Moscow, Progress. (In Russ.)
26. Bekus N. 2010. *Struggle over identity: The official and the alternative Belarussianness*. Budapest, Central European University Press.
27. Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. 2016. *The history of Lithuania*. Vilnius, Eugrimas.
28. Frost R. 2015. *The Oxford History of Poland-Lithuania, vol. I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385—1569*. Oxford, Oxford University Press.
29. Gerner K. 2002. "The Swedish and the Polish-Lithuanian Empires and the formation of the Baltic Region". *The Baltic Sea Region*. Uppsala, Baltic University Press, pp. 61—118.

30. Landes D.S. 2006. "Why Europe and the West? Why Not China?" *Journal of economic perspectives*, vol. 20, no. 2, pp. 3—22.
31. Lewis S. 2018. "The Jagiellonians in Belarus: A Gradual Release of Memory". In *Remembering the Jagiellonians*. London, Routledge, pp. 162—182.
32. Ochmański J. 1986. "The National Idea in Lithuania from the 16th to the First Half of the 19th Century: The Problem of Cultural-Linguistic Differentiation". *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 10, no. 3—4, pp. 301—315.
33. Shepherd J.F., Walton G.M. 1972. *Shipping, maritime trade, and the economic development of Colonial North America*. Cambridge, Cambridge University Press.
34. ovelle M. 1990. *Ideologies and Mentalities*. Chicago, University of Chicago Press.
35. Zvinkliene A. 1996. "The Creation of a National State: The case of inter-ethnic marriage in Lithuania". *Anthropological Journal on European Cultures, Mare Balticum: Societies in Transition (I)*, vol. 5, no. 2, pp. 111—134.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Abdurahmanova I.V.* Massovoe pravosoznanie v Rossii v nachale HKH v.: Faktory formirovaniya i mekhanizm transformacii (1900—1917 gg.). Rostov n/D: RINH, 2007.
2. *Arutyunyan M.P.* Fenomen mirovozzreniya. Habarovsk: DVGGU, 2006.
3. *Aslanov L.A.* Kul'tura i vlast'. M.: TEIS, 2001.
4. *Aslanov L.A.* Mentalitet i vlast'. Russkaya civilizaciya. Kn. 1. M.: TEIS, 2009.
5. *Aslanov L.A.* Mentalitet i vlast'. SSHA, Braziliya. M.: TEIS, 2012.
6. *Aslanov L.A.* Mentalitet i vlast'. M.: TEIS, 2013.
7. *Aslanov L.A.* Vklad sinergetiki v istoricheskie issledovaniya na sovremennom etape // *Istoricheskaya informatika. Informacionnye tekhnologii I imatematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyah I obrazovanii*. 2014. № 2—3. S. 9—12.
8. *Belorusy / Otv. red. V.K. Bondarchik i dr.* M.: Nauka, 1998.
9. *Vorob'eva O.V.* Istoriya i teoriya civilizacij: V poiskah novyh perspektiv // *Civilizacii. Vyp. 9: Civilizaciya kak ideya i issledovatel'skaya praktika / Pod red. A.O. Chu-bar'yana*. M.: Nauka, 2014. S. 5—26.
10. *Gurevich A.Ya.* Istoricheskij sintez i shkola «Annalov». M.: Indrik, 1993.
11. *Zotova E.S.* Rossiya kak civilizaciya i civilizaciya kak Rossiya: Sut' i hod peregomen (obzor diskussii) // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1. S. 257—268.
12. *Zotova E.S.* Civilizaciya Rossii: Tradicii i noviny // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 1. S. 282—291.
13. *Korolyov A.A.* Istoricheskaya psihologiya: Propedevticheskie ocherki, esse i suzhdeniya. Izbrannye trudy. T. 1. Oryol: Srednerusskij institut upravleniya — filial RANHiGS, 2020.
14. *Krom M.M.* Mezhs Rus'yu i Litvoj: Pogranichnye zemli v sisteme rusko-litovskih otnoshenij konca XV — pervoj treti XVI v. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Kvadriga, 2019.
15. *Leskinen M.V.* Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacional'noj ideologii Rechi Pospolitoj. M.: In-t slavjanovedenija RAN, 2002.
16. *Lyubavskij M.K.* Oчерk istorii litovsko-russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii vključitel'no. 2-e izd. M.: Moskovskaya hudozhestvennaya pečatnaja, 1915.
17. *Oreshkova S.F.* Krymskoe hanstvo v XV—XVI vv. (K voprosu o roli Osman-skogo vassala v politicheskom stanovlenii postordynskoj Vostočnoj Evropy). V 2 t. M.: In-t vostokovedenija RAN, 2021.

18. Predvaritel'nye itogi mezhdisciplinarnogo proekta. Po materialam nauchnoj konferencii / Otv. red. V.G. Horos. M.: IMEMO RAN, 2009.
19. *Prigozhin I., Stangers I.* Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka i prirody. M.: Prospekt 2020.
20. *Rakityanskij N.M.* Mental'nye issledovaniya global'nyh politicheskikh mirov. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020.
21. Rossijskij proekt civilizacionnogo razvitiya. URL: <https://iphras.ru/page25149611.htm> (data obrascheniya: 20.05.2022).
22. *Slavskaya A.N.* Lichnost' kak sub'ekt interpretacii. Dubna: Feniks, 2002.
23. *Stefanenko T.G.* Etnopsihologiya. M.: Aspekt Press, 2009.
24. Strategii dinamicheskogo razvitiya Rossii: Edinstvo samoorganizacii i upravleniya. Materialy Pervoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. T. III, ch. 2: Mezhdunarodnyj simpozium «Sinergetika v reshenii problem chelovechestva XXI veka: Dialog shkol» / Pod red. B.L. Romanova, O.N. Astafevoj. M.: Prospekt, 2004.
25. *Tojnbj A.Dzh.* Postizhenie istorii. M.: Progress, 1991.